

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАСАЖДЕНИЯ АТЕИЗМА В СССР¹

канд. ист. наук, доц. **И.И. ЯНУШЕВИЧ**
(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье проводится анализ основных механизмов насаждения атеизма в СССР. Установлено, что распространение атеизма являлось неотъемлемой частью идеологической деятельности правящей коммунистической партии. Атеистическое воспитание не смогло сыграть решающую роль в борьбе с влиянием религии и церковных организаций. Определено, что важной составляющей частью антирелигиозной работы являлось устранение конкуренции на пути распространения материалистического мировоззрения. Рассмотрены механизмы ликвидации культовых объектов и способы введения ограничений религиозной деятельности. Проведенный анализ показал, что к 1980-м гг. имелись значительные успехи в преодолении воцерковленности граждан. Публичный атеизм, советизированный набор примет и суеверий становились определяющими элементами в преодолении религиозности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, атеистическое воспитание, коммунистическая партия, историческая память.

Введение. Подавляющей части населения Российской империи с ноября 1917 г. пришлось принять участие в эксперименте по массовому распространению материалистического мировоззрения. Советская республика, а затем СССР, стала одним из немногих государств мира, которое пошло на отказ от идущих в разрез с программными документами правящей партии тысячелетних традиций. Большевики в своем движении к коммунизму столкнулись с необходимостью значительной корректировки исторической памяти населения. При этом государственные, культурные и духовно-нравственные традиции проживающих здесь народов принимались новой властью исключительно исходя из текущего политического момента. Вопросы атеистического воспитания, как логически обоснованного и передового процесса, тщательно исследовались в советской историографии [1-2]. В зарубежных работах того же периода имел место уклон в сторону «антисоветчины», в то же время, авторы не имели возможности пользоваться многими доступными документами и не в полной мере учитывали реальную обстановку в стране [3]. Частичное снятие грифов «секретно» и «совершенно секретно» позволило ученым сформировать наиболее объективную картину проходивших процессов [4-6]. Источниковую базу работы составляют материалы архивных фондов и опубликованные в сборниках документы.

Основная часть. Материалистическое мировоззрение не было характерно для населения СССР. Количество людей невоцерковленных возрастало по объективным причинам. На добровольной основе массовый «переход на атеистические рельсы» в слабо секуляризованном обществе проходить не мог. Потребность в формировании системы отрыва человека от религии и церкви возникла у руководства советского государства в начале 1920-х гг. Предполагаемое разрушение Русской Православной Церкви и иных традиционных для Российской империи культов посредством отъема собственности, разрушения административно-управленческой структуры, уничтожения или изгнания части клира и активных прихожан не произошло даже с учетом кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. Наоборот, начиналось очередное религиозное возрождение, проявлялся все больший интерес к церковной жизни, идеалистическому мировоззрению, наметилось возвращение в храмы ранее нигилистически настроенных людей [3, с. 59; 6, с. 77-81]. Заявленная в программных документах РСДРП потребность в постоянном массовом атеистическом воспитании требовала своего структурного оформления, финансового и методического сопровождения. К концу 1921 г. при агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б) начала действовать Антирелигиозная комиссия. Это был скорее «методический центр» безбожия. При АПО ЦК КП(б)Б подобная организационная структура начала формироваться в мае 1922 г. и являлась координационным центром в период проведения антирелигиозной пропаганды в рамках кампании по изъятию церковных ценностей [7, л. 6]. Практическая работа комиссии началась в 1923 г.

Наиболее пригодной для атеистического перевоспитания была определена молодежь, и в первую очередь, социально активная молодежь, которая в дальнейшем должна была стать «драйвером» процесса. Основным исполнителем проекта был определен созданный в 1918 г. Коммунистический союз молодежи (КСМ). В первой половине 1920-х гг. эта структура, не справлявшаяся и с выполнением своих уставных задач, реализовать значительный комплекс мер по атеистическому перевоспитанию всей, а не только союзной, молодежи просто не могла. В БССР в рамках указаний ЦК РКСМ антирелигиозную пропаганду решили проводить фактически в виде парадий на религиозные праздники. Идея их организации принадлежала еврейской молодежи города Минска. И в столице, и в уездах в 1923 – 1924 гг. преобладали кампании типа «Комсомольское Рождество», «Комсомольская Пасха», «Комсомольская Троица» и т.д. Главным организатором данных кампаний выступил КСМ под контролем компартии. В городах готовились большие шумные программы, акценты молодыми рьяными товарищами

¹ Произведены корректура и техническое редактирование текста. Стиль и содержание статьи опубликованы в авторской редакции.

ставились на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, сатирические театральные постановки антирелигиозного содержания. Имели место прямые насмешки и угрозы духовенству и верующим. Эффективность подобных мероприятий оказалась чрезвычайно низкой, хотя и альтернативы пока не просматривалось [8, л. 107]. Партийные решения требовали создания системной работы по атеистическому перевоспитанию населения посредством распространения естествознания, проникнутого идеями воинствующего материализма.

К середине 1920-х гг. становится очевидным, что КСМ самостоятельно справиться с задачей не сможет. Необходима была структура, занимающаяся этим вопросом на постоянной основе. Создаваемые в различных частях страны «Общества друзей газеты «Безбожник» во многом подходили для данной работы. Руководство Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) определило Союз безбожников (СБ) СССР единым центром борьбы с религией (с 1929 г. – Союз воинствующих безбожников (СВБ)). Участники всесоюзного совещания агитаторов и пропагандистов 1926 г. не вполне разделяли подобную точку зрения, однако также высказывались за всемерное содействие СБ [9, л. 23, 37-54]. В компетенцию СБ, в первую очередь, входила агитационно-пропагандистская деятельность. Человек, главным образом молодой человек, должен был повсеместно сталкиваться с информацией, вызывающей отрицательное отношение к религии и церкви. Он должен был уяснить в первую очередь, что религия – это выдумка некоторой группы людей на определенном этапе исторического развития с целью моральной и материальной эксплуатации верующих. Под видом наличия сверхъестественных сил правящие классы добивались послушания простых граждан, при этом сами они не являлись людьми верующими. Священнослужители обслуживают интересы эксплуататоров, при этом главной их целью является получение материальных благ, а не духовное служение [10, с. 75]. С приходом советской власти – первой справедливой власти на земле – клирики возглавили темные силы по борьбе с остро необходимым для нормального существования человека и общества научным прогрессом. У населения должно было сформироваться мнение о клириках, религиозных организациях как о существенном препятствии на пути построения светлого будущего. Следующим аспектом, который обосновывала безбожная гвардия – это несостоятельность религии как таковой. «Здравомыслящий человек» не мог поверить во все эти «библейские сказки», да и самого Иисуса Христа не существовало, как и Бога. Научного подтверждения существования Бога церковники предоставить не могли, а значит и верить советскому человеку в то, чего не существует, – просто глупость. Вопрос доказуемости того, что Бога нет, оставался открытым и решался иногда простым голосованием собравшихся [11, л. 107]. Антирелигиозная пропаганда четко указывала на экономический характер религиозных праздников и обрядов, берущих свое начало задолго до появления христианства и ислама и напрямую связанных с древними культами. Обряды и таинства преподносились как издевательство над разумом «современного человека». Молодым людям внушалось, что религия и церковь – это пережитки прошлого, пригодные только для «отсталых стариков». Задачей антирелигиозников было противопоставить поколения детей, родителей, бабушек и дедушек, разорвать семейные традиции и подменить ценностные ориентиры.

Большие надежды связывали антирелигиозники с системой образования. Во-первых, учителя, профессорско-преподавательский состав – это образованные люди, обладавшие необходимым запасом знаний по истории, философии, естествознанию. Их следовало первыми включать в антирелигиозную пропаганду. В школе главным объектом воздействия должны были стать пионеры. Именно они и октябрята являлись наиболее перспективными, а при правильной постановке вопроса – и убежденными безбожниками. Здесь СБ пересекался с Наркоматом просвещения. Система образования была наиболее зависима от государства, в то же время, консервативна, с критическим взглядом на всякого рода неадаптированные к реальной действительности нововведения. Педагогический состав в значительной степени был религиозен, в том числе, до определенного момента, это не скрывал, а то и фактически преднамеренно демонстрировал, как и иные представители интеллигенции. Постановления наркомата образования некоторыми трактовались как не требующее проведения антирелигиозной работы в рамках учебного процесса в силу того, что это место по предоставлению знаний, навыков и умений [12, с. 119]. Педагоги не были априори сочувствующими СВБ людьми. Вовлечение же школьников в ряды юных безбожников должно было сформировать своеобразный резерв и завершить вертикаль по аналогии с звеньями «партия – комсомол – пионерия – октябрята». Желая вытравить у подрастающего поколения религиозность, власть готова была пойти на любые эксперименты. Е. Ярославский заявлял: «Мы требуем от каждого ребенка, что б он был борцом против всякой религии везде – в школе, в семье» [13, с. 270]. Каковы были перспективы массового воспроизводства монстриков от СВБ, предположить трудно. Разлады в семьях, безусловно, по данному вопросу были, но сделать из родителей атеистов ребенок вряд ли мог, если только те не вступали в игру с учетом общественно-политической ситуации. Сопротивление религиозных организаций к началу 1930-х гг. было подавлено, а к середине десятилетия уже многие старались максимально не афишировать свое отношение к религии [14, с. 29]. В конце 1920-х гг. в дни религиозных праздников менее 30% школьников посещали занятия [12, л. 119]. Согласно переписи 1937 г. около 25–30% грамотных молодых мужчин и около 50% грамотных молодых женщин записались «верующими» [15, с. 102]. Среди неграмотной молодежи «неверующими» записались менее 40%. Совпадала ли цифра «юных воинствующих безбожников» и цифра «неверующих», сказать достаточно проблематично. Кроме методического сопровождения на систему образования возлагались функции по созданию и поддержанию на достаточном уровне структур СВБ, в том числе и «юных воинствующих безбожников» [16, л. 56]. Первым и главным критерием оценки работы в области распространения атеистического мировоззрения ответственным антирелигиозникам было выгодно считать рост численности организации, наличие ячеек, подписку на соответствующие периодические издания и уплату членских взносов. Как только давление партийных структур по данному вопросу

ослабло представительство СВБ-ЮВБ в школе начало активно сворачиваться. В 1934 г. Центральный совет СВБ СССР пытался реанимировать структуру под лозунгом: «под видом религии к ребятам попадает классовый враг» [17, л. 13]. Однако предпринимаемые меры уже были неактуальны. В феврале 1933 г. на заседании фракции ВКП(б) ЦС СВБ СССР обсуждался вопрос о ликвидации профильного отдела [18, лл. 13–14].

Не совсем в соответствии с решениями ЦК партии и комсомола действовали их низовые структуры на антирелигиозном направлении. Они не ощущали злободневности данной работы. В конце 1920-х гг. только 50% партийных комитетов обсуждали вопрос организации атеистической пропаганды на своих заседаниях, да и то, во многом, это были формальные, бюрократические действия [19, лл. 1–2]. В 1930-е гг. зачастую на нее выдвигали наименее подготовленных и ответственных сотрудников. Имела место частая смена секретарей ячеек. Например, на Витебской фабрике «Знамя индустриализации» в 1938 г. – первой половине 1939 г. насчитывалось 500 членов союза, но с изменением отношения парткома к значимости антирелигиозного вопроса во второй половине все усилия сошли на нет. Четырежды менялся ответственный партиец, и организация фактически распалась. Секретарь партбюро фабрики Е. Маценко призналась проверяющему, что данное направление деятельности уже «отжило» и «это такая скучная работа, что я прямо не знаю кого выделить на эту работу» [20, л. 75]. Низовые руководители, производственники не совсем понимали суть антирелигиозной работы. Отсутствие нательных крестов и икон в домах и квартирах представлялось как разрыв с религией и церковью. Например, председатель завкома завода им. Кирова в Витебске явно вполне осознанно утверждал: «У нас верующих нет. Мы объездили все квартиры рабочих и ни у кого не заметили икон» [21, л. 26].

Всем этим процессом должен был руководить СВБ, чтобы объединить вокруг себя все антирелигиозные силы страны и стать под руководством партии координационным центром распространения атеизма. Однако фактически принудительное членство, формализм и ничем не подкрепленные прожекты руководства СВБ при ослаблении административного давления привели к практическому развалу организации. Если в 1929 – 1930 гг. был применен жесточайший прессинг на все общественно-государственные структуры, то и количественные показатели были значительны [22, л. 12]. Ослабление внимания к вопросу и возможная переоценка результатов деятельности СВБ привели к массовому сворачиванию работы к середине 1930-х гг. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б «Аб работе Саюза Ваяўнічых бязбожнікаў» от 03.04.1937 г. о работе Центрального совета СВБ БССР отмечалось: «ЦС СВБ не з'яўляецца сапраўдным цэнтрам кіраўніцтва антырэлігійнай работы» [23, л. 95]. Как таковым центром он и не мог стать в сложившихся условиях: «Центральный совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптированный в 1930–31 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел... Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2-3 человека. По Белоруссии организация СВБ составляет 30–35 тыс. членов, но какого точного учета ни кем не ведется», – отмечалось в информации секретарям ЦК КП(б)Б [23, лл. 35–36]. Положение дел интересовало периодически и центральные органы. 19 августа 1937 г. сотрудником ЦС СВБ СССР А. Березкиным была проинспектирована Витебская область. В докладной записке он дал характеристику ситуации в республике: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала» [24, л. 6]. Таким образом, ни материальный, ни организационный, ни кадровый потенциал СВБ ответственными структурами государственного управления на минимально необходимом уровне поддержан не был, хотя в 1939 г. и 1940 г. некоторое улучшение ситуации наблюдалось. Были созданы областные и районные советы, к агитационной работе приступили прошедшие переподготовку пропагандисты-антирелигиозники, значительно увеличилось количество издаваемой антирелигиозной литературы.

Результаты насаждения безбожия в 1920-е – 1941 г. можно оценивать по-разному. С одной стороны, религиозность населения была достаточно высокой. Особенно неожиданно это касалось и молодежи [15, с. 99–103]. С другой, храмы как опорные пункты укрепления в вере и поддержке соборности прихожан, практически все были закрыты. Здесь не будем брать в расчет воссоединенные земли. Священнослужители, как носители информации о догматах и учении Церкви, были ликвидированы до минимума. Церковная жизнь на регулярной основе не осуществлялась и охватывала неофициальными формами только незначительный процент верующих. Человек, если и не стал безбожником к 1941 г., то он или его дети были на пути к этому. Вне Церкви, вне религиозной организации верующий мог с большей долей вероятности стать безбожником, чем при наличии таковых. Невоцерковленность являлась шагом к полному отказу от веры или трансформации традиционных форм вероисповедания. Усилия Союза безбожников, систем образования, культуры, общественных организаций по атеистическому воспитанию или перевоспитанию граждан главным образом «спотыкались» о семью и регион пребывания. С этим трудно было что-то сделать. Система атеистического воспитания с лекциями, докладами, беседами, фильмами и т.д. работала с людьми, большую часть своей жизни проведшими в государстве, не уничтожавшем религию и церковь. Их историческая память не могла быть еще заменена парой докладов и зарождающейся социалистической обрядностью. Но 1920 – 1930-е гг. стали хорошей экспериментальной площадкой для будущей работы. Великая Отечественная война и последние годы правления И.В. Сталина показали скрытые угрозы и риски существования религии и церкви. Во-первых, это мощнейшая объединяющая идеологическая платформа, в первую очередь через патриотизм и государственность. Вторым неблагоприятным фактором выступила «живучесть» церковно-приходских советов и доверие к священнослужителю. Глубинным причинам сохранения религиозности антирелигиозниками внимания не уделялось. На подобном фундаменте в свете очередных задач по построению коммунизма высшему партийному руководству с середины 1950-х гг. предстояло выправить ситуацию по работе с политически незрелым населением. Следует отметить, что ответа на вопрос: с чем и как бороться в человеке, чтобы верующий стал атеистом, советским ученым, по моему мнению, получить не удалось.

Очередная кампания по распространению атеистического мировоззрения у советских людей на уже имеющемся опыте, интеллектуальном потенциале организаторов и в соответствии с решениями съездов КПСС началась в 1954 г. Антирелигиозникам предстояло определить «опорные пункты» сопротивления и «локомотивы» продвижения безбожия, а также выработать программу по минимизации негативного воздействия первых и настройке оптимальной деятельности вторых. На этих двух крыльях и должна была выстраиваться траектория движения к безрелигиозному обществу. Важным условием успеха антирелигиозников являлось внимание высшего политического руководства. В 1920 – 1930-е гг., кроме В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, партийные лидеры не придавали борьбе с религией общегосударственной значимости. К первой категории относилось то, что условно можно отнести к визуальным появлениям религиозной деятельности: храм, священнослужитель, предметы культа, «святые места», исполнение обрядов и таинств, несанкционированные богослужения. Программу максимум – показать в 1975 г. (по второй версии – в 1980 г.) «последнего попа» поставил в 1958 г. Н.С. Хрущев, уже утвердившийся по всем позициям во власти советский лидер [25, с. 384]. Это был, скорее всего, очередной эмоциональный выпад первого секретаря компартии, но темпы сокращения богослужебных помещений стали впечатляющими [4, с. 269]. Храм если и не удавалось закрыть, то предстояло сделать непрезентабельным: максимально сократить доходы через налоги и сборы, лишить возможности оплаты по найму, ликвидировать хор и т.д. Церковноприходские советы предстояло сделать исполнителями заданий органов местной власти и уполномоченных по делам религий. И самое главное – храм должен был стать пустым. Первыми туда запретили ходить детям, в том числе и при содействии священнослужителей [26, с. 187]. Затем расписанием проведения богослужений, дежурными постами антирелигиозного актива, руководствами организаций и предприятий минимизировалось количество ответственных работников и простых трудящихся и служащих, могущих посещать храм [4, с. 302; 6, с. 372, 375]. Предпочтительным для властей было отсутствие священника при незакрытом храме, но если клирик и сохранялся, то он должен был стать слабо подготовленным профессионально, безынициативным попом-требником и желателью с каким-то пороком: алкоголизм, сребролюбие или скверный характер [27]. Неудобных священников часто переводили с места на место, снимали с регистрации, направляли в психлечебницы и больницы [4, с. 152–153]. По-прежнему приветствовалось ренегатство в виде расстриг и публичных обличений религии и церковных структур [6, с. 367]. Стояла задача полностью оградить человека от религиозной литературы. Наличие Библии или Корана могло привести к ненужным проблемам, а икона в доме демонстрировала политическую неблагонадежность хозяев. Нательные крестики или иные культовые атрибуты, особенно в 1970-е гг., становились объектом высмеивания и разбирательств.

Первыми жесткому давлению подверглись монастыри и «святые места». Количество обитателей, как мест особого духовного значения в тяжелые исторические периоды, оправдано сокращалось ударными темпами [4, с. 269]. Монастыри наносили значительный ущерб атеистическим усилиям властей. Паломничество к «святым источникам», каплицам и т.д. невозможно было контролировать [28, с. 165]. К одной «криничке» могли съезжаться неосознательные граждане и не из одного района, а потом сами, их семьи и знакомые потребляли антинаучную «святую воду» [26, с. 163–164]. В 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС о принятии мер по ограничению доступа к «святым местам» [6, с. 363–364]. Источники «неизвестными» засыпаются, заливаются хлоркой, фекалиями. Милиция дежурит и всячески угрожает всем прибывшим. У них отбираются паспорта, сведения направляются по месту работы или учебы для профилактической беседы. В 1957 г. начинается кампания по сносу крестов на окраинах деревень. Днем сносили активисты-безбожники, а по ночам, на свой страх и риск, местные жители их восстанавливали.

Однозначно, необходимо было побороть ситуацию с выполнением обрядов. Статистика показывала, что от 50 до 70% детей крестили, около 30% похорон и 5–10% браков проходили по церковным канонам [26, с. 183]. Некрещеный ребенок с большей вероятностью мог стать невоцерковленным, не принадлежащим к какому-то традиционному культу человеком и, возможно, неверующим. «Обрабатывать» родителей, бабушек, дедушек должны были не только путем атеистической пропаганды, но и посредством воздействия антирелигиозного актива, должностных лиц. Крестные и кровные родители, если факт выполнения таинства устанавливался, подвергались различного рода давлению и без последствий, особенно в 1960 – 1970-е гг., не оставались. Хотя и коммунисты, и комсомольцы продолжали в этом участвовать [26, с. 179, 190, 206, 211]. Церковный брак уже был вызовом системе. Здесь полностью прослеживалась политическая неблагонадежность. С такими гражданами проводилась особая профилактическая работа, поэтому и количество выполняемых обрядов было невелико. Попытка развития советской свадебной обрядности, придание торжественности церемониалам, их эстетическое и кулинарное совершенствование не могли заменить сакрального значения церковного таинства. Церковные похороны были более распространены, так как это касалось старшего поколения, людей верующих и уже не входящих в социально активные категории граждан. Количество погребений «со священником» уменьшить властям было труднее, тем более что практиковались и заочные отпевания [26, с. 174, 179, 209, 259].

Вторым важным направлением деятельности антирелигиозников была борьба за мировоззрение граждан. Идейно-воспитательная работа была ориентирована на подготовку убежденных сторонников марксистско-ленинской идеологии. Ее основные постулаты должны были заполнить всё мировоззрение человека. Ленинское требование «терпеливо и настойчиво» бороться с религиозными предрассудками не соблюдалось и в годы жизни автора [1, с. 23–41]. Тем более не могло оно соблюдаться в период правления Н.С. Хрущева и мер по стабилизации Ю.В. Андропова [2, с. 149–161]. Главным «опорным пунктом» сохранения религиозных традиций были семья и официальное, или нелегальное, сообщество единоверцев. В процессе формирования безбожника в период развитого социализма следует выделить несколько важных этапов.

Первый – это школьный возраст. Здесь очень многое зависело от позиции родителей. Общественно-политическая ситуация тех же 1930-х гг. экстремальными способами подталкивала людей к двуличию, научила скрывать своё отношение к политическим и иным государственным процессам. Это касалось и религиозности. Публичное проявление веры в Бога могло стать не только препятствием к нормальной социализации в советском обществе, но и причиной уголовного преследования. В послевоенном СССР аресты и тюремные сроки по религиозным мотивам применялись гораздо реже, в то же время становилось очевидным, что социалистическое государство – это надолго, а значит и отношение властей к религии и церкви не изменится. И в этом, стремящемся к безбожию, мире как-то надо было выживать и верующим. Люди помнили время, когда занять достойное место в обществе, сделать карьеру, стать специалистом в любимом деле можно было только демонстрируя свое негативное или нейтральное отношение к религии [29, с. 173–177]. И государство мотивировало на подобное поведение. В школе любое проявление религиозности становилось предметом разбирательства с ребенком и родителями [6 с. 376–377]. Кроме применения в процессе атеистического воспитания различных форм и методов воздействия, таких как лекции, беседы, вечера вопросов и ответов, культурные мероприятия, важным было понимание ответственности за нетипичное поведение. И система образования предлагала взамен этого комфортное пребывание в школе, возможность ее окончания с хорошим результатом и характеристикой. Культивируемые советской системой воспитания качества человека, за исключением отношения к Богу, фактически совпадали с религиозными традициями. В религиозной семье во взрослую жизнь выходил, скорее всего, человек верующий, но уже с пониманием того, что религиозность необходимо хранить внутри себя.

Дальнейшие периоды жизни были более благоприятны для перекрытия каналов воспроизводства религии. Парни на 2–5 лет оказывались на срочной службе в армии, где их ожидала массированная обработка и в коллективе, и на политзанятиях [30, с. 71–75]. Студенты через систему идейно-политического воспитания должны были стать не просто атеистами, но и активными пропагандистами безбожия в дальнейшем [4, с. 265]. Желание поехать на пасху домой умело перекрывалось назначением на этот день «важных» контролируемых мероприятий. За исполнение обрядов или посещение богослужений грозило отчисление [6 с. 376]. Урбанизация, государственные и молодежные стройки, Целина, шахты, освоение Севера и т.д. отрывали большое количество людей от семьи, храма, религиозных праздников, и даже если человек оставался верующим, то он уже, зачастую, слабо представлял во что верит. Тем более ему сложно было передать это своим детям. Именно такие верующие, в большинстве своём, и наполнили храмы в конце 1980-х гг.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показывает, что процесс материалистического перевоспитания населения в СССР можно с уверенностью назвать процессом насаждения атеизма в качестве поведенческого ориентира в советском обществе. Опыт организации антирелигиозной работы совершенно обоснованно указывал на необходимость концентрации усилий на работе с молодежью. Необходимо было прервать религиозные традиции. Властями массированно уничтожалось всё, что могло поддерживать интерес человека к религии и церкви. Создавалась система мотивации демонстрирования отрицательного отношения к вере в Бога. Атеистическое воспитание, при всём нарабатанном со временем наборе форм и методов, не смогло самостоятельно эффективно противостоять идеалистическому мировоззрению, даже в советском государстве. Внутренние убеждения и публичное поведение в праве на свободу совести стали особым явлением в социалистическом обществе. Для стирания в исторической памяти народов СССР его религиозного прошлого советского периода оказалось недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеизм в СССР: становление и развитие / Г.В. Воронцов [и др.]. – М. : Мысль, 1986. – 235 с.
2. Круглов, А. А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987) / А.А. Круглов. – Минск : Беларусь, 1989. – 367 с.
3. Поспеловский, Д.В. Русская Православная Церковь в веке / Д.В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 351 с.
4. Канфесіі на Беларусі / В.В. Грыгор'ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
5. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255 с.
6. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, 2010. – 480 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 936.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. М1. Оп. 3. Д. 6.
9. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 60. Д. 791.
10. Ярославский, Е. Библия для верующих и неверующих / Е. Ярославский. – М. : Политиздат, 1977. – С. 75.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. Оп. 112. Д. 43(а).
12. Жук, А.П. Становление научно-атеистической мысли в Советской Белоруссии / А.П. Жук. – Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1981. – 243 с.
13. Ярославский, Е. Против религии и церкви / Е. Ярославский. – М., 1935. – 270 с..
14. Янушевич, И.И. Вмешательство органов государственной власти в дела религиозных организаций в 1917 – 1928 гг. (на примере православия и протестантизма) / И.И. Янушевич // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021 – № 4. – С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-4-21-30>.
15. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
16. НА РБ. – Ф. 261. Оп. 1. Д. 6.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5407. Оп.1. Д. 104.
18. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп.1. Д. 96.

19. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп.2. Д. 7.
20. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 15629.
21. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852.
22. РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.
23. НА РБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10990.
24. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
25. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Гос. -церков. отношения в СССР в 1939 – 1964 гг. / М.В. Шкаровский. – Изд-е 3-е. – М. : Изд-во Крутиц, подворья, 2005. – 384 с.
26. Православная церковь на Витебщине (1918 – 1991) : док. и материалы / Гл. ред. М.В. Пищуленок. – Минск : НАРБ, 2006. – 365 с.
27. Церковные кадры и меры по ограничению их деятельности рамками закона [Электронный ресурс] // Из отчета Совета по делам религий – членам ЦК КПСС. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/otchet_soveta_religii/ – Дата доступа: 17.02.2021.
28. Законодательство о религиозных культах : сб. мат-в и док. / Под ред. В.А. Куроедова. – М. : Юрид. лит., 1971. – 214 с.
29. Янушевич, И.И. Антирелигиозная деятельность в Полоцком районе в контексте общественно-политической ситуации в БССР в 1937-1941 гг. / И.И. Янушевич // Беларуская Падзвінна: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 крас. 2014 г. : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – Ч. 2. – С. 173–177.
30. Дышев, М.К. Деятельность советской военной печати по усилению идейно-политического воспитания личного состава Советских Вооруженных Сил в современных условиях : на опыте окружных (флотских) и групповых газет 1967–1971 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / М.К. Дышев. – Минск, 1972. – 112 л.

Поступила 22.09.2021

FORMATION OF A SYSTEM OF PLANTING ATHEISM IN THE USSR

I. YANUSHEVICH

The article analyzes the main mechanisms of implantation of atheism in the USSR. It is ascertained that the spread of atheism was an integral part of the ideological activity of the ruling communist party. Atheistic education failed to play a decisive role in the fight against the influence of religion and church organizations. It is determined that an important component of anti-religious work was the elimination of competition in the way of spreading the materialist worldview. The mechanisms of liquidation of cult objects and methods of introducing restrictions on religious activity are considered in the article. The analysis showed that by the 1980s there was significant success in overcoming the churching of citizens. Public atheism, a sovietized set of signs and superstitions became a defining element in overcoming historical memory.

Keywords: *Russian orthodox church, atheistic up-brining, communist party, historical memory.*